

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

ПРОБЛЕМЫ
ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ
АРХЕОЛОГИИ
ЭПОХА ЖЕЛЕЗА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Новосибирск · 1981

БРОНЗОВЫЕ КОТЛЫ ЭПОХИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ В АЗИАТСКИХ СТЕПЯХ

В 1 тыс. до н. э. кочевники Евразии, как известно, имели во многом сходную материальную культуру. Сходство охватывает особенности конской упряжи, оружие, украшение — знаменитую «скифскую триаду». По-видимому, такое сходство может быть прослежено и по другим категориям вещей (деревянной посуде, котлам, одежде и т. д.). Естественно, общие черты в культурах различных племен являются отражением их контактов, связей, влияний. Однако наряду с общими чертами существовали и характерные, специфические особенности в материальной культуре каждого из этих племен.

В начале I тыс. до н. э. в культуре кочевников появляются литые «бронзовые»¹ котлы. Они были широко известны по всей степной зоне Евразии и благодаря своей надежности и удобству бытовали на протяжении длительного времени: от VIII в. до н. э.² до средневековья³ и даже до наших дней⁴.

В данной работе анализируются бронзовые котлы скифской эпохи. Рассматриваемая территория — вся степная зона Азии, так как исследование этой категории вещей на каком-то ограниченном участке территории, пусть даже большом (например, Южная Сибирь), не дает удов-

летворительных результатов и может оказаться ошибочным ввиду того, что в современной археологической литературе еще не совсем точно определены границы культур кочевников.

Преобладающее большинство бронзовых котлов на рассматриваемой территории — это случайные находки (в оврагах, на пашне, при рытье канавы или при хищнических раскопках курганов). Небольшая часть бронзовых котлов найдена в кладах. К этой категории находок относится хорошо известный Шалаболинский клад⁵, Иссык-Кульский⁶, клад, найденный у пос. Иссык-Энбекши Алма-Атинской области⁷, Алма-Атинский⁸ и Косогольский клады⁹. Вещи из большинства этих кладов принято считать главными атрибутами празднеств религиозно-поминального характера, производившихся в определенных «священных» местах¹⁰, а обследование специалистами мест нахождения подобных кладов позволяет выявить жертвенные площадки, от которых в некоторых случаях сохраняется толстый слой пепла¹¹. Некоторые случайные находки котлов на этих территориях также можно отнести к категории жертвенных комплексов¹², тем более что иногда в них находят кости животных¹³.

Количество дошедших до нас котлов относительно невелико, что объясняется, быть может, недостаточной изученностью территории (менее всего изучены районы Северного и Северо-Восточного Казахстана, а также Монголии), а отчасти, видимо, их утратой (часть котлов попала в переплавку, возможно, еще в древности, потому что металл очень высоко ценился среди кочевников).

О ценности котлов для их владельцев свидетельствуют следы починки на некоторых котлах (в качестве примера могут служить экземпляры, хранящиеся в Государственном Эрмитаже — инв. № 1286/57, 1124/4, 1292/57 и др.). Ценность котлов для кочевников объясняется сложностью и трудностью их изготовления, так как для этого требовался определенный уровень знания бронзолитейного дела. Ныне считается, что для изготовления бронзовых котлов по всей азиатской степной зоне имелись металлургические центры и центры металлообработки, т. е. существовала металлургическая база для производства литых котлов и условия для их усовершенствования¹⁴.

Еще в работах ученых конца XIX в. бронзовые котлы рассматривались в качестве связующих звеньев для сопоставления культур Причерноморья и Сибири¹⁵. В последующем происхождение котлов связывалось с азиатским культурным кругом¹⁶. Позднее появились работы по созданию типологии котлов в отдельных районах азиатских степей¹⁷. Некоторые авторы в свою формальную классификацию включают только котлы с поддонами и на основе семи признаков выделяют среди них три типа: сибирский, скифский и сарматский¹⁸. К сожалению, эта классификация страдает теми же недостатками, что и предыдущие (не ясна методика и количество учтенного материала). Подробно рассматривала вопросы происхождения, классификации и хронологии сибирских котлов, аргументируя свои выводы большим количеством фактов и аналогий, Н. Л. Членова. Область происхождения тагарских котлов, по ее

мнению, находится в районах Северного Ирана, отчасти Закавказья и Малой Азии¹⁹. Ее типология, построенная на выделении двух типов (тип А — сосуды на полом коническом поддоне, тип В — сосуды в форме округлых чаш без поддона или на трех ножках), на наш взгляд, не является бесспорной: если Е. Ю. Спасская различает котлы на трех ножках и котлы без поддонов²⁰, то у Н. Л. Членовой это даже не два разных подтипа, а один тип. К недостаткам работы Н. Л. Членовой, подробно рассматривающей только котлы тагарской культуры на территории Сибири, следует отнести и некоторые неточности фактического порядка в изображении котлов на таблицах.

Нами предлагается классификация котлов по морфологическим признакам: форме, очертаниям, декору. Технологические и функциональные признаки не учтены из-за отсутствия о них полной информации. В нашей классификации использовано только 158 из 204 бронзовых литых котлов (остальные исключены из-за неполноты сведений).

Котлы описывались нами по 21 признаку: 1 — полусферическая форма тулова, 2 — замкнутая полусферическая с четко выраженным венчиком, 3 — яйцевидная, 4 — низкая цилиндрическая, 5 — конусовидный поддон, 6 — воронковидный, 7 — отсутствие поддона, 8 — три ножки, 9 — вертикальные ручки в виде кольца, 10 — в виде подковы, 11 — в виде дуги, 12 — ручки с одной кнопкой (пишечкой), 13 — с тремя кнопками, 14 — зооморфные вертикальные ручки на венчике, 15 — горизонтальные на боку тулова, 16 — перекрещивающиеся (горизонтальные и вертикальные), 17 — вертикальные петельки-ушки под венчиком, 18 — носик или слив на тулове, 19 — орнамент на тулове в виде «веревочки», 20 — то же, больше одной «веревочки», 21 — зигзагообразный орнамент. Таким образом здесь применен упрощенный вариант методики, использованной при создании типологии бронзовых котлов сарматского времени²¹, т. е. составлена таблица, в которой по

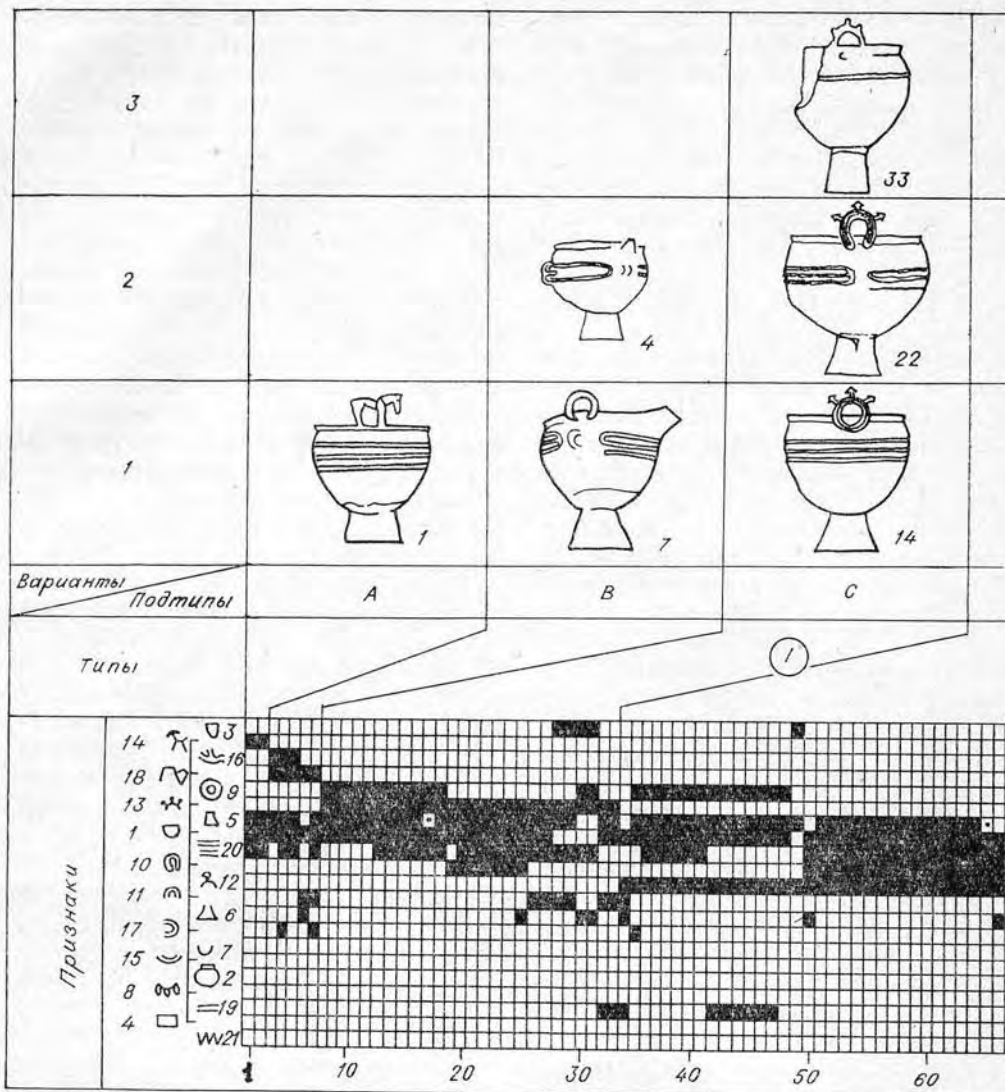
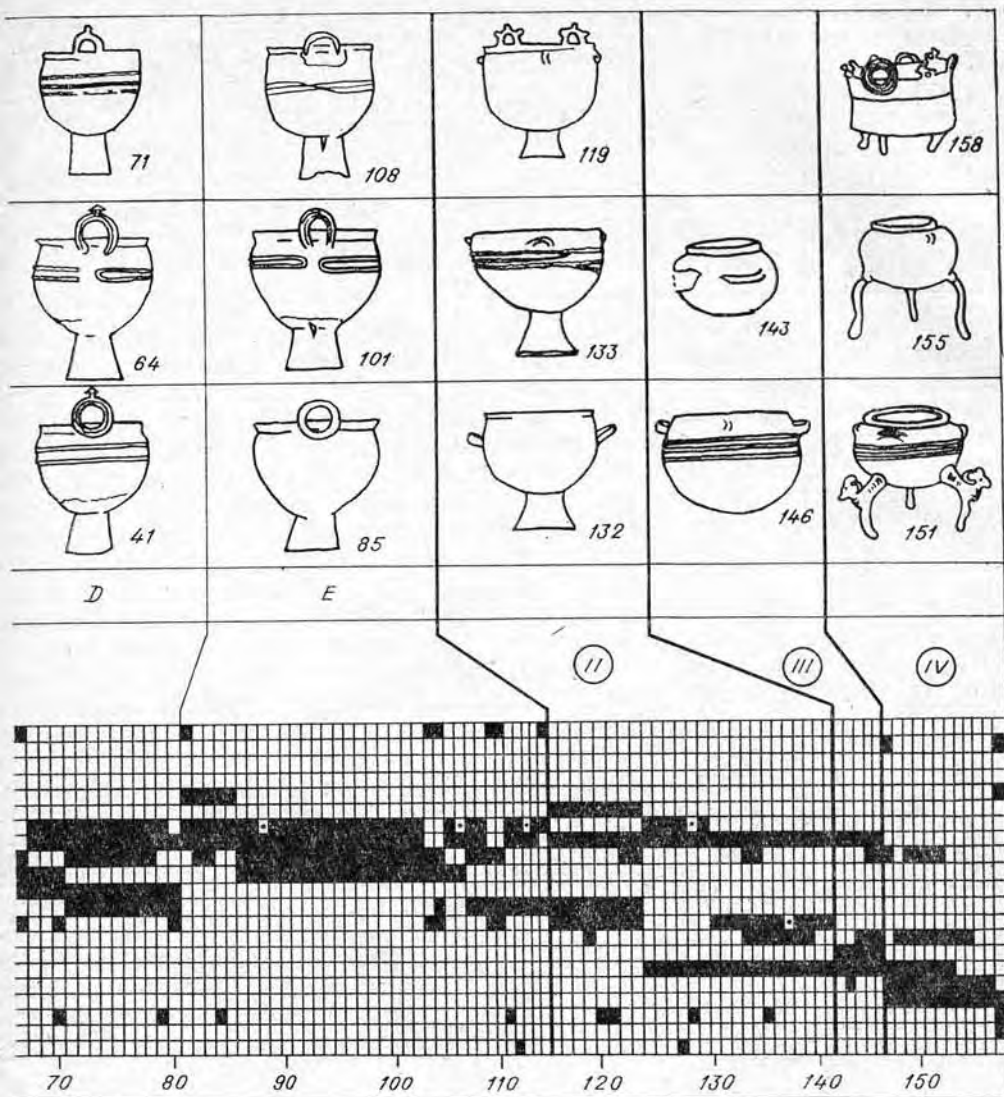

Рис. 1. Распределение котлов по типам (I—IV) и признакам.

1 — Тигрицкое, Минусинский р-н (ММ, 12845); 2 — Мин. р-н (Иркутский музей, 7486-36); 3 — Мин. р-н (ГИМ, 47068); 4 — Мин. р-н (ММ, 10083); 5 — Шалаболино, Мин. р-н (ММ, 10099); 6 — Салба, Мин. р-н (Tallgren, 1917); 7 — Салба, Мин. р-н (ММ, ?); 8 — Курагино, Мин. р-н (ММ, 10059); 9 — с. Щукинское на Ангаре (Иркутский музей, 8541); 10 — Ананьевский, Мин. р-н (ММ, 10116); 11 — д. Солдатова, Мин. р-н (ММ, 10095); 12 — с. Абаканское, Мин. р-н (ММ, 10092); 13 — Мин. р-н (ММ, 10107); 14 — Б. Салба, Мин. р-н (ММ, 10093); 15 — Мин. р-н (ММ, 10064); 16 — пос. Красногорский, Оренбургская обл. (Макаренко, 1906, рис. 4); 17 — Шалаболинский клад, Мин. р-н (ММ, 9871-7); 18 — Курагино Мин. р-н (ММ, 10080); 19 — Дорина, р. Абакан (ММ, 10067); 20 — Тобольск (Posta, 1905, abb. 300a); 21 — Спбсь (Posta, 1950, abb. 301); 22 — Мин. р-н. ХРКМ, 252-2); 23 — Мин. р-н (ММ, 10094); 24 — Кутулань, Иркутская обл. (Иркутский музей, 7593); 25 — Карагай, Казахстан (ГЭ, 1292-46); 26 — д. Степановка (ТКМ); 27 — д. Степановка (ТКМ); 28 — Карагай, Казахстан (Спасская, 1956, рис. 31); 29 — Украина? (Kloss, Misiewicz, 1971, г. 1); 30 — с. Сабинское, Мин. р-н (ММ, 10098); 31 — Таштып, Мин. р-н (ММ, 10108); 32 — Бештау близ Пятигорска (Крупнов, 1960, табл. XXVI); 33 — Ростовская обл. (Новочеркасский музей, 3817); 34 — Монголия (Волков, 1967, рис. 16, 11); 35 — Средний Кужебар, Мин. р-н (ММ, 10141); 36 — с. Бородино, Мин. р-н (Tallgren, 1917, taf. XII, 26); 37 — Мин. р-н (Окладников, 1955, рис. 59, 4); 38 — Мин. р-н (ТКМ, б. н.); 39 — Мин. р-н (ММ, 10039); 40 — Мин. р-н (ХРКМ, б. н.); 41 — Брагина, Алтайский край (ММ, 10087); 42 — Мин. р-н (ХРКМ, б. н.); 43 — Мин. р-н (ММ, 10103); 44 — Ордос (Egami, Misuno, 1935, pl. XXIII); 45 — Монголия (Волков, 1967, рис. 16, 12); 46 — г. Бештау (Иссен, 1954, рис. 13); 47 — г. Бештау (Крупнов, 1960, табл. XXVI); 48 — Б. Салба (ММ, 10061); 49 — Черемушки, Мин. р-н (ММ, 10079); 50 — Ключевская, Тобольский р-н (Тобольский музей); 51 — Мин. р-н (ММ, 10104); 52 — Мин. р-н (ММ, 10106); 53 — Мин. р-н (ММ, 10102); 54 — Мин. р-н (ГЭ, 1286-70); 55 — Кышты, Мин. р-н (ММ, 10062); 56 — с. Сабинское, Мин. р-н (ОАК, 1890, с. 23); 57 — Мин. р-н (ММ, 10091); 58 — р. Марха на Вилло (Окладников, 1955, рис. 59, 2); 59 — Дагалжины, Туруханский р-н (ГЭ, 1124-4); 60 — Косоголь, Красноярский р-н (Напеккин, 1966, с. 163-165); 61 — Мин. р-н (ММ, 10100); 62 — Кривая, Мин. р-н (ММ, 10119); 63 — Шалаболинский клад, Мин. р-н (ММ, 9871-3); 64 — Березовка, Мин. р-н (ММ, 10118); 65 — Мин. р-н (ММ, 10101); 66 — Мин. р-н (ММ, 467); 67 — Пермская обл. (Пермский музей);

68 — Б. Телек, Мин. р-н (ММ, 10086); 69 — Мин. р-н (ГЭ, 1124-3); 70 — д. Ключевская, Тобольский р-н (Posta, 1905, abb. 294); 71 — Ключевская (Heikel, 1894, taf. XIV, 4); 72 — Чаа-холь, Тува (Вайнштейн, 1958, табл. IV, 63); 73 — Мин. р-н (ТКМ, 3347); 74 — Час-Адыр, Тува (ТРКМ, 2079—1954); 75 — Карагай, Казахстан (Posta, 1905, abb. 296); 76 — Барнаульский р-н (Барнаульский музей); 77 — Курганский р-н, Мин. р-н (ММ, 6658); 78 — Томская обл. (ТКМ, 5233); 79 — Текели, Казахстан (ЦМК, 2295); 80 — Овсянка, Оренбургская обл. (Смирнов, 1964, рис. 70); 81 — Усть-Каменогорск (Спасская, 1956, рис. 25); 82 — Брагина, Мин. р-н (ММ, 10075); 83 — Новая Коя (ММ, 10065); 84 — Изых, Мин. р-н (ММ, 10085); 85 — Салба, Мин. р-н (ММ, 10069); 86 — Кривая, Мин. р-н (ММ, 10071); 87 — Кныши, Мин. р-н (ММ, 10066); 88 — Каптыре, Мин. р-н (ТРКМ, 6659); 89 — Курагино, Мин. р-н (ММ, 10096); 90 — Очуры, Мин. р-н (ММ, 10074); 91 — Березовка, Мин. р-н (ММ, 10073); 92 — Мин. р-н (Taligren, 1917, taf. XII, 25); 93 — Означенное, Мин. р-н (ММ, 10117); 94 — Косоголь, Красноярский край (Нащекин, 1966, с. 163); 95 — Мин. р-н (ЛОИА, 11468); 96 — Мин. р-н (ХКМ, б. н.); 97 — Масечки, Мин. р-н (ХРКМ, б. н.); 98 — Сабинское, Мин. р-н (ММ, 10076); 99 — Ермаковский р-н, Красноярский край (ММ, 10120); 100 — д. Покровская, Мин. р-н (ГЭ, 1293-234); 101 — Горага, Мин. р-н (ГЭ, 1653-1); 102 — Мин. р-н (ГЭ, 1653-2); 103 — Кныши, Мин. р-н (ММ, 10072); 104 — Тува (ТРКМ, 4287-9); 105 — Казанцево, Мин. р-н (ММ, 10068); 106 — Тулуптинка, Алтай (ТКМ, 1483); 107 — Означенное, Мин. р-н (ММ, 10105); 108 — Тагашет, Мин. р-н (ММ, 10084); 109 — Нижнеудинск (Иркутский музей, 7540-170); 110 — Томская обл. (ТКМ, 5293); 111 — Барнаульский музей (Радлов, taf. XIX, fig. 2); 112 — Павлодар, Казахстан (Спасская, 1956, рис. 28); 113 — р. Асыз, Мин. р-н (ТРКМ, 4692); 114 — Тайшет, Мин. р-н (ММ, 10070); 115 — д. Полтавская, Томская обл. (ТКМ, 1485); 116 — Моршанский музей; 117 — Ростовская обл. (НМИДК, 571); 118 — Днепровская обл. (Ebert, 1912, abb. 1); 119 — Казахстан (Спасская, 1956, рис. 33); 120 — Казахстан (Берштан, 1952); 121 — с. Замараевское, Курганская обл. (Берс, 1959, с. 58); 122 — с. Замараевское, Курганская обл. (Posta, 1905, abb. 298a); 123 — пос. Красногорский, Оренбургский р-н (Макаренко, 1906, с. 76—94); 124 — Усть-Каменогорск (Спасская, 1956, рис. 26); 125 — Павлодар, Казахстан (Спасская, 1956, рис. 29); 126 — Киргизия (Спасская, 1956, рис. 1); 127 — Алма-Атин. обл. (Спасская, 1956, рис. 21); 128 — Кара-Кульджи, Фергана (Заднепровский, 1962, табл. XXIII, 2); 129 — Ордос (Andersson, 1932, pl. XIX, fig. 1); 130 — Захванский аймак, Монголия (Волков, 1967, рис. 16, 8); 131 — Таштып, Мин. р-н (ГЭ, 1123, 36); 132 — г. Пишпек (Спасская, 1956, рис. 10); 133 — Казахстан (Спасская, 1956, рис. 8); 134 —

с. Иссык, Алма-Атин. обл. (Мартынов, 1955, с. 150); 135 — Киргизия (Спаская, 1956, рис. 4); 136 — окрестности Токмака, Киргизия (Спаская, 1956, рис. 3); 137 — Киргизия (Спаская, 1956, рис. 5); 138 — урочище Уч-Емчека, Пишпекский окр. (Спаская, 1956, рис. 2); 139 — окрестности Алма-Аты (Спаская, 1956, рис. 20); 140 — Казахстан (Спаская, 1956, рис. 11); 141 — с. Орловка, Семипалатинская обл. (Спаская, 1958, табл. XV, рис. 3); 142 — Изых, Мин. р-н (ММ, 10109); 143 — Мин. р-н (ММ, 10111); 144 — Киргизия (Спаская, 1956, рис. 6); 145 — окрестности Алма-Аты (Спаская, 1956, рис. 18); 146 — там же (Спаская, 1956, рис. 19); 147 — р. Карагалинка, Семиречье (Спаская, 1956, рис. 12); 148 — Алма-Ата (Спаская, 1956, рис. 16); 149 — Алма-Атинская обл. (Спаская, 1956, рис. 17); 150 — Алма-Ата (Спаская, 1956, рис. 15); 151 — Алма-Ата (Спаская, 1956, рис. 13); 152 — там же (Спаская, 1956, рис. 14); 153 — Средняя Азия (Спаская, 1956, рис. 7); 154 — Дзахванский аймак, Монголия (Волков, 1967, рис. 16, 10); 155 — Монголия (Членова, 1967, табл. 19, 9); 156 — Мин. р-н (ММ, 10054); 157 — Мин. р-н (ММ, 10110); 158 — Тюлячи, Фергана (Заднепровский, 1962, табл. XXIII). Примечание: признак, обозначенный точкой в таблице, на котле частично утрачен, но реконструируется по сохранившимся частям и аналогам. Под Мин. р-ном понимается система Минусинских котловин.

горизонтали расположены объекты (котлы), а по вертикали — их признаки, и выполнена операция упорядочения объектов по их наибольшему сходству. Котлы с устойчивым сочетанием признаков сгруппированы в группы, среди которых выделяются 4 типа, подтипы и их варианты (рис. 1). К I типу мы отнесли 115 котлов с полусферической формой тулова, конусовидным поддоном, вертикальными ручками и орнаментом в виде двух-трех «веревочек», проходящим по наибольшему диаметру тулова. Подтипы: А — котлы с зооморфными вертикальными ручками²², В — котлы с носиком или сливом (5 экз.). Подтипы С, Д, Е выделены по форме ручек и количеству кнопок на них, так как форма тулова котлов этого типа существенно не меняется. Варианты 1, 2, 3 отражают, по-видимому, этапы типологического развития ручек: от кольцевидной через подкововидную к дуговидной. С — котлы с тремя кнопками на ручках (26 экз.), Д — с одной кнопкой (47 экз.), Е — с дуговидной ручкой без кнопки (35 экз.).

Большинство котлов I типа найдено в Минусинской котловине (75 экз.), где они представлены всеми подтипами и вариантами, а это свидетельствует о существовании здесь центра по производству котлов. Отдельные экземпляры котлов I типа найдены в Ордосе²³, Забайкалье²⁴, Монголии²⁵, Туве²⁶, Западной Сибири²⁷, Казахстане²⁸ и даже в Восточной Европе²⁹ (рис. 2). Находки котлов этого типа в азиатских степях мы расцениваем как случайные и поэтому полагаем, что абсолютная хронология, предложенная Н. Л. Членовой³⁰, в данном случае недостаточно обоснована. Подметив эта-

пы генетического развития ручек от кольцевидной через подкововидную к дуговой, она на основании далеких западных аналогий строит хронологию для сибирских котлов. Котлы с кольцевидными ручками, украшенными каннелюрами (подобные бештаугорским ручкам бронзовых котлов, которые А. А. Иессен датирует VIII—VII вв. до н. э.), она относит также к началу эпохи ранних кочевников. Подковообразные ручки, поскольку они генетически связаны с предыдущими, Н. Л. Членова датирует VI в. до н. э., сопоставляя их со скифскими котлами начала VI в. до н. э. Северного Причерноморья (например, из кургана Мартоноша³¹) и ассирийскими сергами в виде подковок и полумесяца с тремя полукруглыми выступами (IX—VII вв. до н. э.). Котлы с дуговидными ручками, тоже генетически связанные с предыдущими, она сравнивает с некоторыми сарматскими котлами (из кургана В 4 на Торгуле в Поволжье — рубежа IV—III вв. до н. э.) и датирует V — рубежом IV—III вв. до н. э. Котлы с носиком сопоставлены Н. Л. Членовой с похожими по форме котлами ее классификации, отнесенными к VIII—VII вв. до н. э. Опираясь на предложенную Н. Л. Членовой абсолютную хронологию котлов, по-видимому, пока нельзя, так как необходимо учитывать следующие особенности этого материала:

1. Преобладающее большинство котлов скифского времени в азиатских степях найдено вне комплексов, поэтому изменение форм бронзовых котлов отражает скорее всего типологическое (конструктивное) развитие, а не хронологическое. Можно зафиксировать лишь нижнюю хронологическую границу, мо-

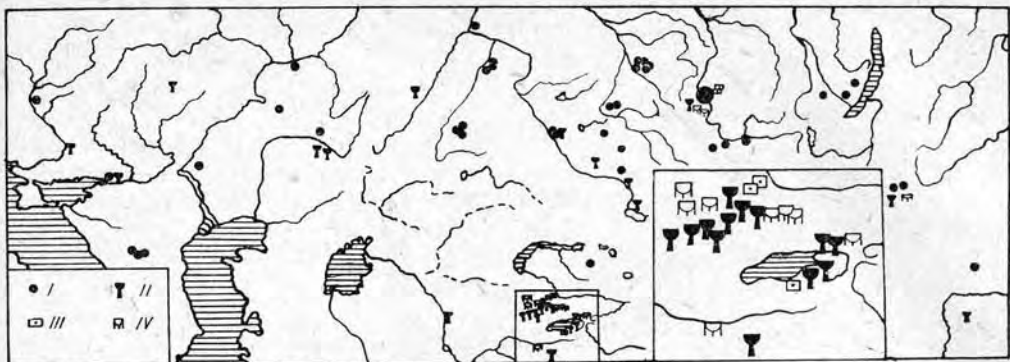

Рис. 2. Схема местонахождений бронзовых котлов.
I — IV — типы котлов.

мент, с которого их стали отливать, а время прекращения их бытования пока определить невозможно, так как котлы могли переплавляться в процессе эксплуатации или наоборот существовать столетия, тем более, что погребальный обряд для этой территории и этого времени не предусматривал помещения котлов в могилу.

2. Анализ форм (очертаний) котлов, изображенных на наскальных рисунках и плитах Южной Сибири (писаницы Кизил-Кайя, Боярская, Черный Уюс, изображения с горы Кизик-Тах, с Аскызской плиты), даже с учетом возможных погрешностей как при выбивании изображений, так и при прорисовке их впоследствии на бумагу, показывает возможность сосуществования нескольких вариантов форм котлов и их элементов (рис. 3). Так, например, на писанице Кизил-Кайя³² котлы изображены с двумя вариантами ручек (гладкими и с тремя отростками — по нашей типологии это подтипы С и Е — рис. 3, 1, 1а) и эти два варианта, по-видимому, существовали одновременно в момент создания писаницы. Особенно интересна для нас Боярская писаница³³ (рис. 3, 2), где среди людей, животных и построек изображено 7 котлов. Среди них можно выделить два типа: а) котлы со слегка вытянутой формой тулова, конусовидным поддоном и двумя вариантами ручек (гладкими и с тремя отростками — подтипы С и Е), с орнаментом в виде «веревочки» или же без нее;

б) котлы с яйцевидной формой тулова, без поддона или же с очень низким поддоном. Очевидно, эти котлы в момент появления писаницы также сосуществовали. К I типу подтипу С мы относим котлы, изображенные на фрагменте писаницы из Черного Уюса³⁴ (рис. 3, 3), на изображениях с горы Кизик-Тах³⁵ (рис. 3, 4); к подтипу Е (вариант 2 или 3) — изображенные на аскызской плите³⁶ (рис. 3, 5), на каменном изваянии с р. Нени³⁷ (рис. 3, 6).

3. В позднетагарское время форма и орнамент котлов I типа, по нашей классификации, копируются в глиняной посуде и бронзовых бляшках, что прослеживается по содержанию Большого Кургана Аспелина (с. Барандат), курганов у с. Частоостровского, Коркино II (Красноярский край); Тисульских курганов (Кемеровская область), причем имитируются ручки и орнамент всех подтипов и вариантов котлов I типа. Эта традиция продолжается на тесинском этапе (шестаковские курганы, Тесей VII, Разлив II, Каменка V и т. д.) и в таштыкское время (Кривая № 1, Барсучиха II, Изых, ск. № 1, 2 и т. д.). Последняя фаза характеризуется как продолжением имитации в керамике элементов бронзовых котлов, так и некоторым отходом к керамическому орнаменту кубковидных сосудов (Иzych, Тесей III). И даже в таштыкское время на глиняной посуде можно увидеть признаки бронзовых котлов разновременных, по хронологии Н. Л. Членовой, групп.

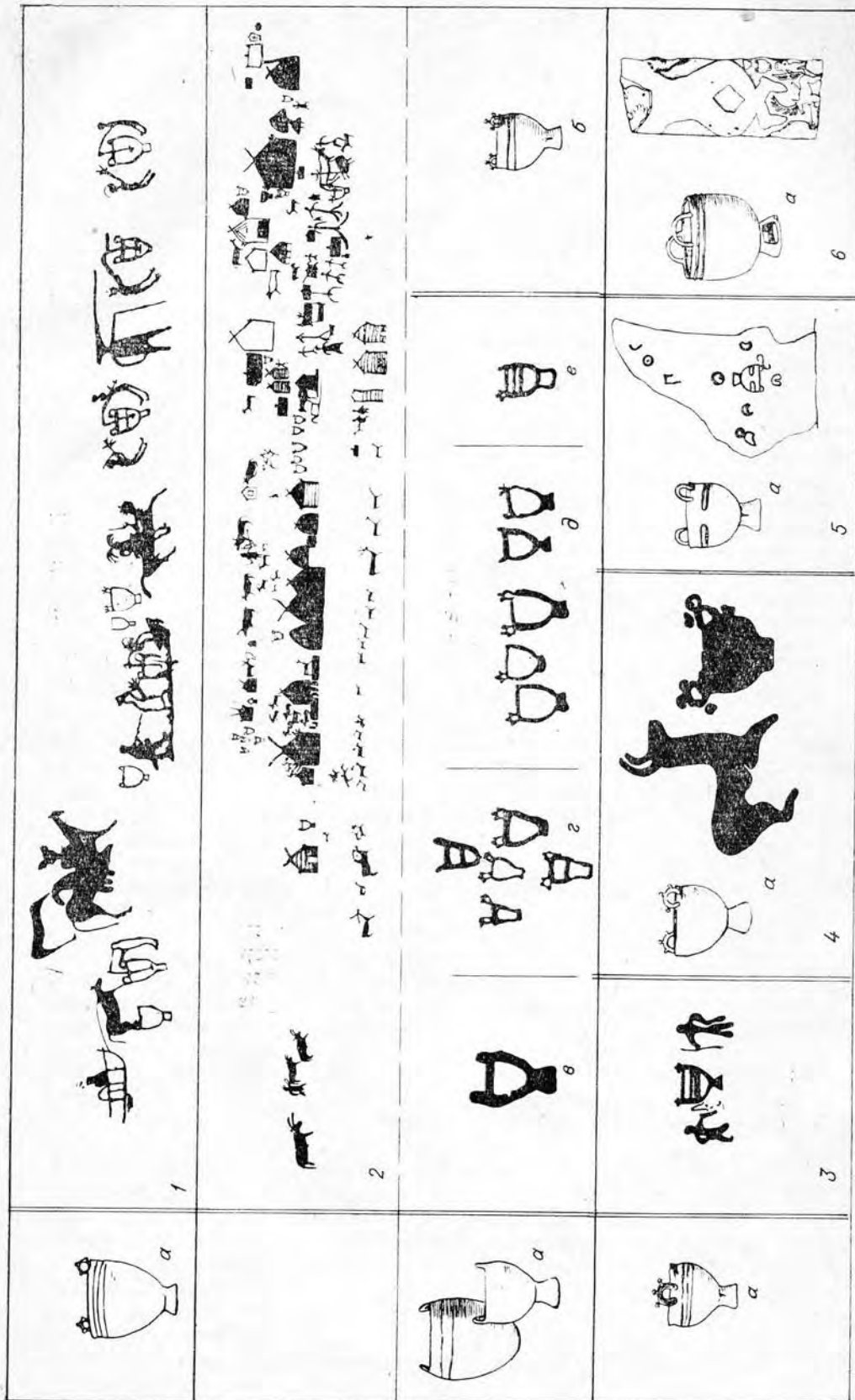

Рис. 3. Изображения котлов на писанцах.

1 — писанца Кизил-Кайл; 2 — Бюбрекая писанца (а, б — возможные прототипы; а-а — фрагменты писаницы); 3 — фрагмент писаницы Черный Улус; 4 — изображение с горы Кизил-Таш; 5 — изображение с асфальтовой плиты; 6 — каменное изображение с в. Нени.

Сам факт имитации бронзовых котлов и их элементов в глиняной посуде чрезвычайно важен. В этом случае типологические признаки бронзовых котлов (кольцевидные ручки, орнамент на них и на тулове, шишечки на ручках и т. д.) являются, по-видимому, и хронологическими признаками. Чем больше подобных признаков в керамике какого-то комплекса, совсем не свойственных материалу (глине), тем эта посуда находится ближе к моменту смены материала, тем она древнее. Но в любом случае необходимо учитывать специфику каждого памятника, а высказанное положение еще требует специального исследования.

Пока еще котлы не могут служить датирующим материалом, и поэтому устанавливать их абсолютную хронологию рано. Вполне определенно сейчас можно говорить лишь о времени появления котлов I типа (примерно VIII—VII вв. до н. э., а возможно, раньше)³⁸ и времени прекращения их изготовления из бронзы (по-видимому, в связи со сменой бронзы железом, отсутствием необходимости в их изготовлении и т. п.).

Котлы, относимые нами к I типу, многие исследователи именуют «скифскими» (по сходству ручек, поддона, шнурового орнамента), хотя у собственно «скифских» котлов форма тулова шире (эллипсоиднее), а поддон воронковидный³⁹.

Ко II типу мы относим 26 котлов с полусферической формой тулова, воронковидным поддоном, вертикальными или горизонтальными ручками (иногда на одном котле сочетаются те и другие; вертикальные ручки — с тремя кнопками; см. рис. 1).

Варианты: котлы с вертикальными ручками и 3 кнопками, в некоторых случаях еще и с петельками-ушками на боку тулова; котлы с сочетанием горизонтальных ручек и петелек-ушек на боку тулова, котлы с горизонтальными ручками на боку тулова, вертикальные отсутствуют. На нескольких котлах горизонтальные ручки украшены каннелюрами и по тулову проходит орнамент в виде одной или нескольких «веревочек».

Котлы II типа — это, как прави-

ло, случайные находки с обширной территории: Восточной Европы⁴⁰, Казахстана⁴¹, Средней Азии⁴², Южной Сибири⁴³ и Ордоса⁴⁴ (рис. 2). Большинство их все же найдено в Средней Азии и датируется на основе аналогий V—IV вв. до н. э.⁴⁵, а в некоторых случаях и более ранним временем — концом VI в. до н. э.⁴⁶ В этот период на территории Средней Азии обитали сако-усуньские племена, которым скорее всего котлы принадлежали. Аналогичные экземпляры с боковыми горизонтальными ручками в Восточной Европе относятся к скифской культуре и датируются V—III вв. до н. э.⁴⁷

В III типе мы объединили 5 котлов полусферической формы без поддона с горизонтальными ручками на боку. По тулову двух котлов проходит орнамент в виде трех параллельных «веревочек», на трех — между ручками приделаны петельки-ушки. Котлы этого типа сосредоточены в основном в районах Средней Азии; отдельные экземпляры в виде случайных находок обнаружены в Казахстане и Южной Сибири. Их принято относить к сакскому времени.

IV тип — котлы с полусферической формой тулова, иногда украшенного рельефной «веревочкой», четко выраженным венчиком, тремя ножками, боковыми горизонтальными ручками, ушками-петельками (12 экз.). Ножки котлов в большинстве случаев выполнены в виде ног животных, согнутых в коленях, а концы их — в виде стоп верблюда, копыт лошади, барана. Вариант: котел из Тюячи (Фергана) с цилиндрическим туловом, к которому прикреплены 4 кольцевидные ручки с каннелюрами, между которыми помещены скульптурные фигурки четырех козлов⁴⁸. Котлы IV типа найдены большей частью в Средней Азии (Семиречье), отдельные экземпляры — в Миусинском крае и Монголии. Семиреченские трехногие котлы датировали достаточно произвольно, возможно, из-за того, что они были найдены случайно, и, являясь сложным в техническом отношении изделием, имеют много деталей (признаков), характерных для

разных периодов. Основные разногласия идут вокруг туючинского котла, который датируют то II в. до н. э.⁴⁹, рубежом нашей эры⁵⁰, то на основании формы ручек относят его к VIII—VII вв. до н. э.⁵¹ Минусинские трехногие котлы датируются Н. Л. Членовой V—IV вв. до н. э.⁵² Котлы на трех ножках сравнивают с китайскими триподами периода Шань (Рутковская и др.), оговаривая, правда, что это сходство относительно. Действительно, в Китае глиняные триподы существовали с неолита⁵³ и впоследствии, в эпоху бронзы, они стали отливаться из металла. В период Шань они уже известны в качестве ритуальных жертвенных сосудов (*ting*). Триподы имели широкое распространение. С эпохи бронзы триподы в Греции изготавливались как глиняные, так и металлические⁵⁴. Последние имеют ряд признаков (кольцевидные ручки, петельки-ушки на тулове и каннелюры на них), характерных для некоторых семиреченских экземпляров (в первую очередь для котла из Тюячи). О распространности триподов ярко свидетельствуют их изображения на керамике геометрического стиля⁵⁵. Изображения триподов встречаются на найденных в Пилосском дворце табличках линейного письма «В»⁵⁶, которые относятся, по общему мнению, к последним месяцам существования дворца, т. е., если придерживаться традиционной датировки, к 1194—1184 гг. до н. э.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Необходимо отметить, что характеристика «бронзовые» понимается условно, так как анализы состава металла всех котлов не производились, а если и делались, то показывали, что в некоторых случаях котлы медные (Копылов И. И. К вопросу о составе древних бронз Семиречья.— Учен. зап. ДГПИ, Алма-Ата, 1954, т. IX, т. 40; Лескова Н. В., Федосеева С. А. химический состав бронзовых изделий усть-мильевой культуры Якутии.— В кн.: Якутия и ее соседи в древности. Якутск, 1975, с. 105).

² Иссен А. А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе.— В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М.—Л., 1954, с. 127.

³ Толмачев В. Я. Следы скифо-сибирской культуры в Маньчжурии.— Вестн. Маньчжурии, Харбин, 1929, № 6, с. 560.

⁴ Posta V. *Archaeologische Studien auf*

Такие же котлы известны по изображениям на вазах из Агии Триады⁵⁷. В Иране глиняные триподы конца II — начала I тыс. до н. э. обнаружены в Гияне⁵⁸, Хурвине⁵⁹, а также в могильнике Кайтарие⁶⁰. В это время они бытовали и в Средней Азии, судя по находкам на поселении Пархай-депе⁶¹.

Приведенные данные показывают, что триподы были хорошо известны на Древнем Востоке и их форма вполне могла быть заимствована кочевниками на сопредельных со Средней Азией территориях. Центры же налаженного производства среднеазиатских бронзовых котлов, несомненно, были местными.

Являясь достаточно характерным для культур кочевников элементом, котлы пока не помогают в решении вопросов абсолютной хронологии, но могут быть использованы в качестве культурных индикаторов при выделении этапов развития кочевнических культур. Предлагаемая классификация котлов позволяет наметить культурные связи ранних кочевников Сибири и Центральной Азии со Средней Азией, Казахстаном, и даже с Восточной Европой. Широкое распространение некоторых типов котлов, возможно, объясняется динамичностью кочевых обществ, существовавших в азиатских степях в скифское время. В дальнейшем проблема должна решаться с привлечением других археологических источников.

Russischen Boden, Bd III. Budapest — Leipzig, 1905, S. 74.

⁵ Левашова В. П., Рыгдылон Э. Р. Шалаболонский клад бронзовых котлов, хранящихся в Минусинском музее.— КСИИМК, 1952, вып. 43, с. 132—137.

⁶ Бернштам А. П. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, с. 27.

⁷ Ставиский Б. Я. Между Памиром и Каспием. М., 1966, с. 114.

⁸ Бернштам А. П. Прошлое района Алма-Ата. Алма-Ата, 1948, с. 5.

⁹ Нацекин Н. В. Косогольский клад.— АО 1965 г. М., 1966, с. 163—166.

¹⁰ Кызласов Л. Р. Сакская коллекция с Исык-Куля.— В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 105.

¹¹ Там же, с. 116; Ставиский Б. Я. Между Памиром..., с. 117.

- ¹² Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая.—МИА, 1952, № 26, с. 43.
- ¹³ Мягков И. М. Древности Нарымского края.—Труды ТГМ, Томск, 1929, т. 2, с. 61—62.
- ¹⁴ Максимов Е. К. Сарматские бронзовые котлы и их изготовление.—СА, 1966, № 1, с. 51—60; Гришин Ю. С. Производство в тагарскую эпоху.—МИА, 1960, № 90, с. 171.
- ¹⁵ Hampel I. Skythische Denkmäler aus Ungarn.—EMU, Budapest, 1895, № 9; Ядрищев Н. М. О следах азиатской культуры в южнорусских и скифских древностях.—Тр. VIII АС, т. 4, 1897; Reinecke P. Die skythischen Alterthümer in mittleren Europa.—ZfE, Berlin, 1897, N 28.
- ¹⁶ Бернштам А. Н. Археологический очерк...; Minns E. H. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913; Tallgren A. M. Collection Tovostine. Helsingfors, 1917; Сосновский Г. П. Заметка об одной археологической находке.—Этнографический бюллетень ВСОРГО, Иркутск, 1923, № 3.
- ¹⁷ Спасская Е. Ю. Медные котлы ранних кочевников Казахстана и Киргизии.—Учен. зап. КГПИ, Алма-Ата, 1956, т. 14; Она же. Находки медных котлов ранних кочевников в Казахстане и Киргизии.—Там же, Алма-Ата, 1958, т. 15; Рыгдылон Э. Р., Хороших П. П. Коллекция бронзовых котлов из Иркутского музея.—СА, 1952, № 1; Волков В. В. Бронзовый и ранний железный век Монголии. Улан-Батор, 1967.
- ¹⁸ Петриченко О. М., Шрамко Б. А., Солнцев Л. О., Фомин Л. Д. Похождения техники литья бронзовых казаней раннего залозного вѳу.—В кн.: Нариси с исторії природнознавства і техники, вып. XII. Киев, 1970, с. 74—77.
- ¹⁹ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, с. 105.
- ²⁰ Спасская Е. Ю. Медные котлы..., с. 156.
- ²¹ Бокovenko Н. А. Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе.—СА, 1977, № 4, с. 228—233.
- ²² К этому подтипу, судя по сохранившимся zoomорфным ручкам, можно отнести еще два котла: из д. Чадобец Красноярского края (ГЭ, № 5531-1482) и д. Трифоново Минусинского края (ММ, № 10142).
- ²³ Egami N., Mizuno S. Inner Mongolia and the Region on the Great Wall.—AO, Series B, vol. 1. Tokyo-Kyoto, 1935, fig. XXIII.
- ²⁴ Окладников А. П. История Якутской АССР, т. 1. М., 1955, рис. 59, 2, 4.
- ²⁵ Волков В. В. Бронзовый и ранний железный век..., рис. 16, II.
- ²⁶ Вайнштейн С. П. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг.—Учен. зап. ТНИИЯЛИ, Кызыл, 1958, вып. 6, табл. IV, 63.
- ²⁷ Heikel A. Antiquites de la Siberie Occidentale. Helsingfors, 1894, taf. XIV, 4.
- ²⁸ Макаренко М. Е. Продолжение раскопок около пос. Красногорского Оренбургского уезда.—Труды ОУАК, Оренбург, 1906, вып. 16, рис. 4; Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, рис. 70; Спасская Е. Ю. Медные котлы..., рис. 25, 28.
- ²⁹ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, табл. XXVI; Kloss A., Misiewicz W. Brazowy kocil sarmacki w Lublinie.—Studia a Materiau Lubenski, 1974, N 5, г. 1.
- ³⁰ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен..., с. 93—98.
- ³¹ Дьямант Э. П. Литой бронзовый котел из Мартоношского кургана.—В кн.: Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса, 1962, с. 203, 204.
- ³² Савенков И. Т. Древние памятники изобразительного искусства на Енисее. М., 1910, табл. VIII.
- ³³ Давлет М. А. Большая Боярская писаница. М., 1976.
- ³⁴ Савенков И. Т. Древние памятники..., табл. VIII.
- ³⁵ Архив ЛОИА, ф. 42, д. 242.
- ³⁶ Гришин Ю. С. Об одной писанице на плите тагарского кургана из Минусинской котловины.—КСИА, 1971, вып. 128, с. 53, рис. 19.
- ³⁷ Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960, с. 158, рис. 61.
- ³⁸ Необходимо заметить, что в разграбленной могиле «царя» кургана Аржан найдено 37 обломков от нескольких, судя по толщине, довольно больших литых бронзовых котлов. См.: Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х. Курганы Аржан — могила «царя» раннескифского времени.—Учен. зап. ТНИИЯЛИ, Кызыл, 1976, вып. 16, с. 196.
- ³⁹ Манцевич А. П. Бронзовые котлы в собрании Государственного Эрмитажа.—В кн.: Исследования по археологии СССР. Л., 1961, с. 146 и след.
- ⁴⁰ Ebert M. Ein skythischen Kessel aus Südrussland.—Prähistorische Zeitschrift. Berlin, 1912, Bd IV, N 3—4, abb. 1.
- ⁴¹ Берс Е. М. Каталог археологической коллекции Свердловского археологического музея. Свердловск, 1959, с. 58; Спасская Е. Ю. Медные котлы..., рис. 21.
- ⁴² Мартынов Г. С. Исыкская находка.—КСИИМР, 1955, вып. 59, с. 150; Спасская Е. Ю. Медные котлы..., рис. 1, 10, 29 и др.
- ⁴³ ГЭ № 1123: 36.
- ⁴⁴ Andersson J. G. Hunting magic in animal style.—BMFEA, Stockholm, 1932, bull. 4, pl. XIX, fig. 1.
- ⁴⁵ Бернштам А. Н. Археологический очерк..., с. 27—29.
- ⁴⁶ Спасская Е. Ю. Медные котлы..., с. 167 и след.
- ⁴⁷ Ильинская В. А. Скифы Днепровского степного Левобережья. Киев, 1968, с. 162; Артамонов М. П. Сокровища скифских курганов. Прага—Ленинград, 1966, с. 60—61.
- ⁴⁸ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы.—МИА, 1962, № 118, табл. XXIII, 3.

⁴⁹ Рутковская Л. М. Бронзовый котел из Ферганы.— Труды САГУ, Ташкент, 1956, вып. 31, кн. 12.

⁵⁰ Массон М. Е. К истории черной металлургии Узбекистана. Ташкент, 1947, с. 41.

⁵¹ Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972, с. 50.

⁵² Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен..., с. 101.

⁵³ Chang K. The archaeology of Ancient China. London, 1963, p. 55.

⁵⁴ Benton S. The Evolution of the Trypod-lebes.— In: Annual of the British school at Athens. London, 1938.

⁵⁵ Benton S. The Evolution... Fig. 11, 12, 14; p. 25—26.

⁵⁶ Bennett E. L. The Pylos tablets. Texts of the inscriptions found 1939—1954.

Princeton, 1955, Taf. 641, p. 66; Taf. 709; Taf. 712.

⁵⁷ Vandenaebale F. Les ideogrammes de vases sur les tablettes en Lineare A de Hagnia Triada et Phaistos.— Bull. de correspondance Hellenique. Paris, 1974, N 98, p. 18, fig. 13.

⁵⁸ Contenau G., Ghirshman R. Fouilles du Tepe — Giyan pres de Nenavend 1931 et 1932. Paris, 1935, pl. 26—29.

⁵⁹ Van den Berghe L. La necropole de Knurvin. Istambul, 1964, pl. XXII—XXV.

⁶⁰ Fard K. Fouilles dans les tombes anciennes de Ghey Taryeh.— Bastan Chenassi va Honar-e Iran, 1969, N 2, p. 26.

⁶¹ Chlopin I. N. Denkmäler der Bronzezeit im Tal des Flusse Sumbar (Südwest-turkmenien).— Iranica antiqua, v. X. Leiden, 1973, taf. XXXIV, abb. 6—8.

В. А. БОРЗУНОВ, Т. И. НОХРИНА

БЕРЕЗКИ II — ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В ГОРНО-ЛЕСНОМ ЗАУРАЛЬЕ

Поселения эпохи раннего железа в горно-лесном Зауралье известны большей частью по разведочным обследованиям и относительно немногочисленным стационарным работам¹. В связи с этим исследование каждого нового памятника вносит существенные дополнения и коррективы в наши представления об истории региона. Поселение Березки II² было открыто в 1972 г. разведочной группой археологической экспедиции Уральского университета под руководством Н. А. Алексашенко при обследовании зоны строительства водохранилища в Аргаяшском районе Челябинской области. Это поселение находилось на западном берегу оз. Аргази, в 0,3 км к северу от базы отдыха «Березки» Миасского автомобильного завода, на двух слабо выраженных мысах, круто обрывающихся в озеро, и отчасти на прилегавшей к ним с запада низине (рис. 1). Высота мысов от уровня воды 9,5—11,5 м, низины — около 1,5 м. Поверхность береговой террасы была задернована и частично заросла листовным лесом. На отдельных ее участках вдоль края прослеживались выходы скальных пород. Здесь в 1976 г. Т. И. Нохриной (руководитель работ) и Н. М. Маслобоевой было заложено

три раскопа общей площадью 270 м². Сжатые сроки строительства гидроузла и обилие археологических памятников, попадавших в зону затопления (более 150), позволили исследовать только основные участки поселения без вскрытия всей его площади. Раскопы ориентировались по сторонам света, перпендикулярно либо параллельно краю террасы, и разбивались на участки 3×3 м. Первый (I—81 м²) был заложен в низине, в 55 м от озера, два другие (IIа—27 м² и II—162 м²) — в 50 и 70 м к северо-востоку от него, у подножия и на возвышенности северного мыса. Вскрытие велось условными горизонтами по 0,1 м с последующими зачистками вскрытых уровней, с фиксацией всех деталей и основных находок на плане и профилях. Стратиграфия в раскопах сходная: под тонким дерновым слоем (0,01—0,02 м) залегал темный гумус (от 0,2 до 0,6 м); ниже следовали светло-коричневый суглинок (толщиной до 0,2 м) и материк; в низине — красноватый суглинок с примесью гальки, на мысе — скала.

Раскоп I. В центральной и южной частях раскопа (уч. Б/1—2, А/2) на глубине 0,20—0,25 м обнаружено три углубления размерами 1,75×1,7 м; 3,0×1,5 м и 2,5×1,25 м,